

18+

Сергей Орлов

СОБАКА

Сергей Орлов

Собака

«Издательские решения»

Орлов С.

Собака / С. Орлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532403-0

История о том, как Человеку был предоставлен шанс исправить все свои ошибки в Жизни. И он блестяще этим шансом воспользовался. У него получилось всё и даже немного больше. Бог есть.

ISBN 978-5-00-532403-0

© Орлов С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Собака

Сергей Орлов

© Сергей Орлов, 2021

ISBN 978-5-0053-2403-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Поздний летний вечер, солнце уже упало за горизонт.

Плотная облачность нависала над планетой. У самой земли косматые, чёрные тучи вспоры полосой света цвета полированной стали. Снизу эта узкая полоса света как у охотничьего ножа ощетинулась тёмными «зазубринами» ёлочных верхушек лесного массива до самого горизонта. Сверху, с небесной высоты можно различить по жёлтым огонькам в окошках, там внизу на земле в темноте, очертания домиков людей, кукольных размеров, окружённых чёрным лесом.

Далеко внизу пронзительно-белые, два прямых и узких лучика света автомобильных ксеноновых¹ фар, словно маленькие самурайские сабли раскрыли сумерки. Вслед за ними из-за чёрных стволов деревьев медленно «облизывая» буераки, появились размытые, желтоватые пятна ещё двух автомобильных фар.

Сверху машинки выглядели игрушечными, одна тёмная, другая светлая – силуэты их едва виднелись в густых сумерках Августа. Яркие «лучи-сабли» принадлежали большому тёмному импортному джипу. Делая разворот, джип светом своих фар, «вырезал» из темноты на борту белого фургона «Газель» красный крестик кареты «Скорой помощи». Машины остановились возле тёмного бревенчатого дома, больше похожего на покосившуюся древнюю избу сказочной Бабы Яги.

Сверху видно, как из «Скорой» торопливо вышли маленькие, словно швейные булавки, фигурки людей. Человечки быстро обошли фургон, открыли заднюю дверь машины, в салоне загорелся свет. Два человека в белом выкатили носилки с лежащим на них человеком. Брякнули калиткой, бодрым шагом направились к чёрному пятну избы.

Из джипа вышли двое. К ним приблизилась фигурка в белом из «скорой». Троица немного постояла и направилась вслед за носилками во двор – судя по походке и движениям, это были мужчины. Один мужчина пропустил двоих внутрь избы, сам чуть задержался на крыльце дома. Мужчина, маленькой тёмной точкой постоял, и чуть погодя тоже зашёл в сени, закрыв за собой дверь. Входная дверь медленно с тонким, противным скрипом снова отворилась. В крохотном окошке сказочной избы засветился огонёк.

В избе человек невысокого роста, едва не задел головой низкий притолок дверного проёма. Молча, небрежно махнул рукой санитарам. Те, тихо свернули носилки, пригнувшись и спотыкаясь в темноте о табуретки и склянки, вышли в дверь. Сквозняк из двери задул свечку на столе – стало темно.

Миниатюрный человек, шумно выдохнув, сел на табуретку. Послышалось, как чирикнула зажигалка. Живой огонёк жадно ухватился за фитиль свечного огарка. Рыжий свет «выдавил» из темноты лица-маски сидящих тут же: человека в строгом костюме и врача в белом халате. Над кроватью со стариком едва виднелась фотография из журнала – портрет Брежнева. В тёмном углу избы сверкнул оранжевый блик на пузатой стеклянной трёхлитровой банке, что стояла на полу возле печки, почти доверху заполненной чем-то похожим на монеты.

Щуплый человек маленького роста, растягивая слова в циничной иронии, произнёс:

– Ну, что дед... – Замогил, посопел, продолжил, – Ну, я прямо тебе завидовать начинаю. Ты здесь, на природе ещё лет сто протянешь. Не то, что в своей квартире, в наших каменных джунглях.

Дед тяжело просипел:

¹ Ксеноновые лампы – газоразрядные источники света, обеспечивающие высокую яркость светового потока, которая гарантирует безопасность для водителей на дороге в ночь и при плохих метеорологических условиях. Лампы представляют собой колбу, где находится пары ртути и смесь инертных газов с преобладанием ксенона.

– Кхе... кхе...

Щуплый человек резко отдал команду врачу:

– Глянь, чего он сипИт. Нормально, всё?

Медик суетливо вскочил. Быстро оказался у кровати. Лучиком маленького фонарика блеснул по глазам старика. Скоро растянул веко на одном глазе, на втором.

– Да! Всё хорошо, Виктор Алексеевич. Можем работать.

С улицы донеслись звуки хлопающих автомобильных дверей. Смех. Голоса нескольких людей. Медик метнулся к окну, вглядываясь в темень ночи, успокоился:

– А-а-а..., это местные куражатся.

Щуплый человек, Виктор Алексеевич снова обратился к старику:

– Ну, давай дед, подписывай. А, то уж поздно, нам ещё обратно ехать. Путь-то не близкий.

Человек в деловом костюме, нотариус, уверенным движением расстегнул молнию на чёрной папке, достал листки бумаги. Посмотрел в сторону кровати с дедом. Возле изголовья было слишком темно. Медленно, дабы не потушить, взял чадающий огарок поставил его на табуретку рядом кроватью. Присел рядом, прямо на кровать.

Нотариус, с тем же циничным юморком, что и у Виктора Алексеевича выдал из своего узкогубого рта:

– Вот, дед купчая, давай ставь подпись и живи себе в радости.

С этими словами нотариус вложил в руку деду дорогую перьевую ручку. Дед, снова просипел:

– Кхе-кхе... А там, всё...?

Виктор Алексеевич, раздражаясь, перебил старика:

– Да, всё там в порядке. Всё нормально дед!

Изображение документа о сделке, с оглавлением «Купчая» перед стариковскими глазами то расплывалось, то снова становилось чётким – старик плохо соображал. Нотариус одной рукой подложил свою папку под тонкие листы, второй рукой взял свечку стал освещать деду нужную строчку в документах. Нотариус засуетился:

– Да-да! Вот здесь, вот на этой строчке. Верно!

Когда старик закончил выводить свой автограф, нотариус стремительно выхватил документы у старика, вскочил, и быстро направился к выходу – врач, молча, двинулся за ним.

Виктор Алексеевич, а для своих друзей-подельников попросту Витёк, воровато оглянулся. Когда дверь шумно захлопнулась, и Витёк остался один на один со стариком, он вдруг нагнулся над кроватью и всмотрелся в измождённое лицо пожилого человека.

Старик, по-прежнему видел плохо, лицо Витька было в тумане, и голос его звучал откуда-то издалека – эхом.

Неожиданно сменившимся тоном, участливо Витёк тихо произнёс:

– Тебе дед, здесь лучше будет. Правда.

Витёк замолчал. Молча, смотрел в лицо старика. Былой надменности во взгляде уже не было. Неожиданно лицо Витька исказила гримаса страдания, даже отчаяния. Он сунул руку себе за пазуху, быстро вынул, что-то шустро запихал под подушку старика. Витёк, резко выпрямился, стремительно развернулся и, не оглядываясь, ринулся к выходу.

Сверху, с высоты неба, видно как внизу, на земле, маленькая фигурка Витька выйдя из избы, задержалась на крыльце. Он закрывал то и дело снова открывающуюся дверь. Не одолев разошедшуюся дверь, Витёк быстрым шагом дошёл до джипа. Уселся на сиденье, хлопнул дверцей. Кортеж из «скорой» и джипа так же медленно, как и прибыл, закачался, замельтешил светом фар по ухабам лесной дороги, скрылся меж тёмных деревьев.

* * *

За забором старика, в соседнем доме, горели светом все окна. Доносились звуки музыки. Низкие мужские голоса поминутно перекрывал «извергающийся» руладами децибелов смех пьяной женщины.

Ночь. Крыша дома старика покрыта деревянной доской. Окно в его доме тускло светило горящей внутри свечкой. В темноте, на фоне тёмных пятен кругляков сруба избы, едва заметно выделялась светлая, колченогая, высокая трава на дворе.

Облака расплзлись в стороны и образовали «дырку» в небе, открыв полную луну. Все предметы медленно проявилось из ночи, обрели свои формы, окрасились в сизый цвет. Вдруг, посеребрённая длинная, сухая травина дрогнула. В тень от забора по земле пропрыгала здоровенная, жирная жаба. Из-за забора послышались громкие, весёлые, пьяные возгласы соседей. Гогот, смех, визг.

Женский голос, пьяно и натужно прокричал «киношную» фразу:

– Я, требую продолжения банкета!

Ей вторил развязно густой бас:

– Колян! С днюхой тебя! Давай! Поджигай!

Женщина и мужчина надрывно завопили:

– Ураааа!! Ура! Колян – ура!! Ты ж, наш, родной!

Синхронно с воплями, из-за забора в черноту неба взмыли кляксы цветного света. Дешёвый «китайский» фейерверк неуверенно «плевался» яркими красками. Последний залп оказался и вовсе вялым. Тонкая струйка света перелетела забор, медленно и неумолимо летела в сторону дома старика – плюхнулась на его деревянную крышу, и вроде как затихла там.

Женщина не унималась, повторяла и повторяла такую, как ей казалось, уместную смешную фразу:

– Я, требую продолжения банкета! Не-е-е! И всё же, я требу...! Ой!! Бл@... Сергуня, держи меня, кажись... Я, ай!, падаю!! Надо скинуть эти каблуки к едрене-фене.

Сергуня отозвался:

– Да!! Давай! Пойдём! Накатим за здоровье Коляна!

Все в дом! Народ! Все в до-о-ом! Светик, я тут, я держу тебя.

Светик отозвалась:

Ты ж мой герой! – послышался звук короткого, смачного поцелуя: «Цчмоак!»

Маленькие окошки дома старика пару раз «вздогнули» жидким жёлтым светом и потухли – свеча догорела. Изба «ослепла», жизнь из неё стремительно утекала, следом за свечным светом сбежавшим из этого хмурого и мертвеющего места. Сверчок, без умолку до этого трещавший, замолчал. Оглохшую тишину Природы всё реже нарушали звуки гуляющей компании из дома за забором, уже давно уставшие от веселья пьяные люди звучали всё тише, и тише.

Всё окружающее пространство заволочло темнотой и тишиной – луна скрылась за облаками. Всякое движение в этой «картинке» остановилось, наполнилось кладбищенским покоем. Сухостой бурьяна на дворе стоял не шелохнувшись. Ни одним своим листиком не шелохнувши, стояли справа деревья. В центре – вросший в землю, стоял незыблемо дом старика с чёрными дырами окон. Слева, глухой забор своим предназначением преграждать любое движение подводит финальную черту всему изображению, своим монументальным видом как бы приказывая всему живому: «Стоять! Не двигаться»!

Всё и вся в пространстве затихло, а точнее притихло в напряжении – что-то должно было вот-вот произойти.

Вдруг, в этой какофонии недвижИмости, на крыше дома старика световыми всполохами что-то забрезжило, едва-едва засветилось, очертив светом в темноте линию крыши.

Свечение разгоралось всё сильнее и сильнее. Под коньком крыши что-то хлестко щелкая, засверкало, затрещало. Ещё мгновенье и из чердака, наверх, на крышу вырвалась пламя огня.

Поначалу огонь прикинулся выводком «жёлто-белых цыплят» огоньков, гурьбой раскачившись по доскам крыши. Потом неожиданно быстро взвился сильным, резвым «красным Петухом» – занялось половина всей крыши. В воздухе загудело пламя.

Звонко заквакала квакша. Одновременно с жабыми звуками у земли послышался шорох. Кривой стебель сухой травинки дрогнул от упавшей с неба тяжёлой, крупной капли воды, издав при этом характерный звук – «бхыщ!» Вскоре таких «бхыщ» стало множество. Шелестящие звуки всё нарастали, шорох капель по траве вскоре слился в один мощный шум, а затем и в гул проливного дождя. Трубные звуки двух стихий: воды и огня слились в звуковую какофонию катастрофы. Водяные стены, словно могучие тесаки, кромсали пламя на куски.

«Красный Петух» поначалу задиристо напал на ливень, потом кобенясь, испуская громкие звуки «Ш-ш-ш!» словно хотел напугать дождь, стал делать вид, что якобы ему всё равно, и вроде как нет никакого дела ему до крыши избы, как неинтересна и сама изба. Сделав последнюю попытку выпендриться, вскинулся, выгнул свою огненную шею, метнув в чёрное небо сноп искр, и всё же под божественными водяными струями сник, скрючился, и уполз в щель туда, откуда пришёл, там и затих – исчез.

Напакостить «Красная птица» всё же успела. Выгорела половина крыши и верхний угол дома. Потолок в избе, огонь тоже основательно «поклевал» так, что образовалась приличных размеров дыра. Сверху, с улицы через дыру было видно кровать, на ней маленькую фигурку лежащего старика. Белое покрывало на старике было в разводах воды и чёрных пятнах копоти. По лицу старика прыгали капельки дождя. Из глаз пожилого Человека текли слёзы.

Долго лежал старик, долго смотрел в темноту неба и всё же уснул, и приснился ему сон.

«Сон старика»

Светлое помещение. Долговязая человеческая фигура, стоит спиной, темпераментно размахивает руками, что-то говорит. Слов разобрать нельзя, какое-то сплошное бубнение. Фигура резко развернулась и вдруг отчётливо прозвучала фраза: *«Вот именно в этот момент, вам уже не придётся самому собирать бутылки».*

Вдруг, появился грузовичок «Соболь» блёклого бордового цвета – стоит с откинутым брезентом на кузове. Трясущиеся от напряжения старческие руки аккуратно завязывают большой холщёвый мешок. По характерному звуку, отчётливо слышно, что мешок полон бутылок.

Вдруг вокруг всё стало белым и стало жутко холодно – понятно, значит это зима. Небольшой тёмный силуэт, профиль собаки бредёт по тротуару. Бока собаки подрагивают от холода. Лапы собака переставляет отрывисто, как будто шла она по раскалённой сковородке, а не по заснеженному тротуару. Подошла к большому сугробу и остановилась. Посто-яла. Начала есть снег.

Неожиданно ощутил горячее собачье кислое дыхание, и мокрый, холодный, липкий язык собаки на своём лице.

* * *

Утро. Избу старика заполнил солнечный свет.

Лицо старика мерно дышало. Умиrotворённое выражение лица говорило о том, что сон его был безмятежен и спокоен. Обе руки его лежали на груди поверх целлофанового файла с документами купчей. Вдруг, в сенях послышались шорохи. Шаги ног по деревянному скрипучему полу. Кто-то потянул табуретку волоком по полу. Звук горсти копеек о стекло. (Взяли в руки банку с монетами у печки)

Лучи солнца, что есть мочи «лупили» ярким светом через окно без занавесок. Пылинки кружились, деля замысловатые кульбиты в воздухе комнаты переливаясь в утреннем, солнечном свете.

В центре избы, стоя спиной к кровати старика прислушиваясь, и задрал нос, словно принохивался, стоял худой человек, в старом советском трико, в «трениках», с сильно отвисшим задом. Майка «алкоголичка» тоже не первой свежести неряшливо болталась на жилистом теле. Замусоленная бейсболка торчала козырьком в сторону как у модных тинэйджеров. Фигура медленно, крадучись двигалась с банкой монет в руках к двери. Спящий старик вдруг громко, шумно, на вдохе всхрапнул:

– Хр-р-р...!

Деревенский интеллигент-алкаш по-женски взвизгнул:

– А-а-а! Кто здесь?!

Старик открыл глаза. Не поворачивая головы, повёл глазами, перевёл взгляд с потолка на потрёпанную долговязую фигуру алкаша наполовину скрытую от старика столом. Интеллигент же в свою очередь, мог видеть только лоб старика и его глаза – стол скрывал старика полностью. Старик спокойным голосом произнёс:

– А, ты-то кто?

Интеллигент от страха пытался шутить:

– Я?! – коротко сглотнул, – Я, Ангел-хранитель ваш! – постепенно возвращая себе самообладание человека сильно пьющего и поэтому привычного к любым форс-мажорам. Быстро сменил тон на игриво-заискивающий.

Старик смотрел, на спившегося интеллигента в упор, не мигая. Возникла длинная пауза. Интеллигент всё это время с банкой мелочи в руках медленно двигался к столу. За окном слышался весёлый птичий пересвист, дыхание интеллигента и тихое сопение старика нарушали тишину в избе. Коснувшись табуретки пузырьком «треников» на коленке, интеллигент, пристальным взглядом высверливая дыры на лице старика, не глядя на табурет, поставил на него банку с монетами – взгляд алкаша вопрошал, дескать: «Ты сам-то, кем будешь?».

Старик, убирая документы под одеяло, словно прочитал мысли гостя, всё так же спокойно произнёс:

– Это дом мой. Я здесь живу.

Алкаш-интеллигент, шумно выдохнул, с явным облегчением:

– А, я гляжу, возле дома колёсами здоровенными наследили, думаю, кого это чёрт ночью принёс. Зашёл вот, по-проведывать вас, – интеллигент оскалился в подобострастной противной улыбочке.

Старику никак не удавалось сесть, трясущимися руками он упирался в кровать – слабость в теле давала о себе знать. Интеллигент резво подскочил к нему:

– Давайте-давайте! Давайте, я вам помогу!

Алкаш обеими руками ухватил старика за плечи, потянул на себя. Старик оказался тяжёл, интеллигенту пришлось сменить тактику. Правой рукой он по-прежнему тянул старика на себя, левой рукой стал помогать себе, подталкивая старика в спину.

Неожиданно в том самом месте, где лежал старик, из-под подушки и возле неё, показалась россыпь денежных купюр каждая достоинством в пятьсот рублей. Интеллигент, недолго думая сгрёб купюры, сколько смог ухватить, левой рукой. Правой же рукой стал активно поправлять одеяло на старике. Старик, недовольно проворчал:

– Да, подожди ж ты... Дай сесть, нормально!

Интеллигент вскинул свободную, правую руку чуть в сторону, как бы говоря: «А, я что? Я ничего!» нарочито услужливо, сильно суетясь, масляным голосом ответил:

– Да-да! Конечно! Извините меня.

При этом он ещё больше засуетился возле кровати старика, начал подтыкать кусок простыни под матрац, сам при этом торопливо, не глядя, запихивал левой рукой в карман своих «треников» деньги. «Треники» при этом сползали, оголяя тощие ягодицы интеллигента. Он проворно тянул штаны назад, запихивал, комкал, и уминал купюры в кармане.

Наконец он усадил старика в кровати, деньги в кармане смял в бумажный «мякиш» и, светясь от счастья, воскликнул с интонациями Паниковского из «Золотого телёнка»:

– Слушайте! Щас, всё будет! Щас, мир заиграет красками!

Хитро подмигнул, с этими словами попятился бочком-бочком к двери – скрылся в сенях, хлопнул дверью. Старик прокричал вдогонку:

– Воды! Вода есть? Воды захвати!

Шкодливая физиономия интеллигента явилась в дверном проёме, он снова хитро прищурился, и всё так же сияя от счастья, протяжно промурлыкал:

– Щ – а – с!! Всё будет!

Прошло около часа. Интеллигент с двумя полными целлофановыми пакетами в руках переступил порог избы. По его лучезарному лицу было видно, что он уже успел «уколоться» очередной дозой алкоголя на пути к старику. Доза легла на «старые дрожжи» от чего выпивоху начало стремительно развозить – он промямлил:

– Т-а-а-а-к! Щас, всё бу-у-дет!

Повторяя это своё заклинание, интеллигент, стоя у покосившегося стола, выкладывал содержимое пакетов. В квадратах солнечного света на столе, появились: бутылка минеральной, шмат варёной колбасы в куске обёрточной бумаги, пара батонов хлеба в целлофане, несколько штук помидор, две банки тушёнки, банка шпрот, целлофановый кулёк конфет «батончик». Весь натюрморт интеллигент завершил бутылкой водки, с сияющим видом.

– Я тут подумал, «инструмента» у вас ведь нету. Так я вот, одноразового купил, подумал, зачем вам железные, всё равно скоро уедете, – с этими словами он вытащил из пустого пакета наборы одноразовых столовых приборов: пластиковые ножи, вилки и ложки.

Старик поморщился:

– В смысле...? Чего это...? Куда это – я поеду? Дай воды!

Интеллигент, ещё больше погружаясь в свои хмельные грёзы вопрос старика, пропустил мимо ушей.

– Вы думаете, я что – деревенский? – Неа, голова его закачалась как кочан капусты на тонкой кочерыжке-шее, – Я тоже, как и вы городской.

Интеллигент открыл бутылку минералки, налил воды в пластиковый стакан, протянул старику.

– В 90-е жить в городе стало туго, кушать нечего совсем, вот я и поехал сюда – выживать с семейством своим. Кормились с огорода, выжили, слава Богу. А у вас, – он посмотрел на дыру в потолке, – я вижу тут криминал, – сделал он заключение с видом эксперта.

Болтовню интеллигента старик слушал молча. Молча, выпил воды из пластикового стаканчика. Молча, взял пластиковую вилку с насаженным куском колбасы протянутой интеллигентом. Потянулся было взять из его рук кусок батона. Но интеллигент почему-то вдруг остановился. Выпрямился, тем самым кусок душистого хлеба «ушёл» от старика мимо в сторону. Старик поднял взгляд на интеллигента. Тот поменялся в лице. Вся его игривость куда-то делась.

Интеллигент задумчиво, даже мечтательно, по-прежнему глядя на прожжённую дыру в потолке, сказал:

– Эх... Я, ведь учёным был. Математиком.

Старик, едва заметно усмехнулся. Сам дотянулся до куска батона в руке остолбеневшего интеллигента, взял хлеб, запихнул его в рот. Интеллигент, не заметив стариковской недоверчивой усмешки, не спеша, внимательно глядя на рубчики пластикового стакана, налил ровно полстакана водки, перевёл взгляд на старика:

– Будете?

Старик жестом руки отказался. Интеллигент задумчиво произнёс:

– А уезжать вам – нужно. Да. Определённо. Зима на носу. С такой-то крышей... – Тут же как? Тут ведь только с огорода и можно прокормиться.

На этих словах Интеллигент, облокотившись плечом об оконную раму, показал пальцем за окно с видом знатока-агронома:

– А какой огород в августе? Всё, финита ля! Уже не успеете ничё вырастить. А деревня теперь не та. Теперь всё. Теперь не помогут, хоть замерзать будешь. А в городе подвалы тёплые, теплотрассы всякие, на худой конец на вокзале можно перекантоваться. Да и подкормиться можно на рынках, в супермаркетах. Там много чего хорошего выбрасывают.

За время своего монолога интеллигент успел снова налить и выпить, картинно зажмурился, понюхав колбасу – зачем же закуской градус понижать. Интеллигент, как говорится «поплыл», развёл в стороны руки, пальцы его при этом выплясывали какой-то танец, словно щупали пространство, будто он перестал быть зрячим, и двигался по избе на ощупь. Добравшись до табуретки, тяжело плюхнулся на неё, подпёр свою вихрастую, большую голову руками, сдвинул кожу на лице, превратив лицо в клоунскую маску, уходя в хмельную нирвану, замямлил неожиданно на тему сложную, и даже можно сказать фундаментальную:

– Я не верю в Бога, в его существование. Я верю Богу, слушаю его, слеую водительству его. А знаете причину? Ответ прост.

Это его Мир. Он всё создал – все правила игры. Хочешь быть счастливым? Просто выполняй его правила. И всё... Просто.

«Бухм!» – глухо брякнулась голова интеллигента об стол. Голова не пролежала и секунды на столе, ударившись лбом, тут же, через мгновение двинулось тело, затем шея, и голова взметнулась – интеллигент восседал на табурете с прямой спиной, словно царь на троне.

Алкаш вдруг приободрился, вздрогнул, брови на лбу его взметнулись, он смешно вытаращил глаза, поворачивал глазами яблоками, словно проводил какую-то настройку своего мозга – лицо неожиданно приняло прежний, трезвый вид. Глядя на него можно было подумать что, поговорка алкоголиков «Первая рюмка пьянит, вторая трезвит» и впрямь действует. Интеллигент, стал вдруг какой-то бодрый, собранный, и сосредоточенный.

– О! Я вам щас идейку одну свою расскажу! Точно с голоду не помрёте! – коротко помолчал, – Я вам щас помогу! Я – ангел, или не ангел? – игривость снова вернулась к нему. Интеллигент вопрошающе посмотрел на старика и, не дожидаясь ответа от старика, сам себе ответил:

– Конечно Ангел! Так вот слушайте, только обещайте что сделаете!

Напишите потом мне, как получилось. Хорошо?

Интеллигент схватил обёрточную бумагу из-под колбасы, рывком бросился к окну, с подоконника взял огрызок карандаша, так же стремительно вернулся за стол, уселся на «трон-табурет» принялся писать и говорить:

– А, назвал я её «Математическая прогрессия». Если Вы, займёте денег..., – На этих словах интеллигент с резвостью пьяного человека, размашисто, засунул руку в карман своих «трекушек», истерично повозился там, что-то собирая на ощупь. Резво взметнул к потолку кулак с зажатými купюрами. Солнечные лучи скользнули по пятисотрублёвым купюрам. Старик пристально посмотрел на деньги.

Выпитое всё же давало знать о себе, это была речь пьяного человека. Он говорил с жаром, быстро, комкая слова, съедая окончания слов, не заботясь о том, как он формулирует фразы. Его жгла одна цель, скорее-быстрее донести суть его идеи. В подробности и детали он не вдавался.

– Вот! Вот, на эти деньги, – он потрясал зажатými купюрами, – наймёте автомобиль, – в этом месте интеллигент неожиданно смачно рыгнул, конфузясь, прикрыл рот.

– Ой! Простите! На нём вы сможете собрать больше бутылок. Так вы сможете освоить бОльшую территорию, чем, если вы будете ходить пешком. А раз так, значит, ваши объёмы по сдаче бутылок увеличатся. На полученные деньги от этих увеличенных объёмов, вы наймёте

с десяток бомжей, которые будут для вас собирать бутылки в других районах города. Там, где вы сами не сможете успевать. Вот именно в этот момент, вам уже не придётся самому собирать бутылки, – интеллигент, многозначительно зыркнул на старика, гордясь собою. Перед стариком сидел сам «Наполеон»! Глаза интеллигента блеснули азартом. Спина прямая. Плечи расправлены. Грудь колесом. Откуда, что взялось в этом ещё недавно хилом «математике»?

– Тут есть одна хитрость! Денег за бутылки бомжам давайте чуть меньше чем в пунктах приёма стеклотары. Но!! – он вскинул кверху свой скрюченный палец, – При этом каждый раз покупайте водку, одного пузыря в день будет достаточно. За каждые десять бутылок угощайте своих работников граммов по пятьдесят водочкой. Зимой – самое то! Коллеги ещё благодарить вас будут за такую заботу, – на этих словах интеллигент налил себе водки, как и прежде тщательно выверенную очередную дозу – полстакана. Шумно выдохнул:

– Ваше здоровье!

Размашисто влил в себя водку. Смачно зажмурился. Отрезал пластиковым ножом крохотный кусочек колбасы. Закусил. Вскочил и принялся расхаживать по избе. Мириады пылинок в солнечных лучах вихрем носились за долговязой фигурой.

Старик слушал интеллигента, молча глядя прямо перед собой. Иногда поглядывал на пьяное лицо алкаша, потом на кучку измятых пятисотрублёвых купюр на столе. Наконец, приняв какое-то решение для себя, заложил руки под голову, и стал смотреть через дыру в голубое небо с мечтательным видом.

– Итак! Тем самым вы создадите свою привлекательность, мотивацию для бомжей, чтобы они несли бутылки только вам, а не в пункт приёма стеклотары. Психология! – интеллигент снова взметнул свой указательный перст к замызанному потолку избы, – И ещё один плюс для бомжей, им не придётся таскать свои бутылки, вы сами будете за ними приезжать и забирать стеклотару у них. Удобно!

Интеллигент с царственным видом, как-то незаметно для себя перешёл на деловитый тон, речь его обрела стройность. До этого шагающий по избе, теперь он со своей финансовой схемой на обёрточной бумаге восседал во главе стола, лицом к старику, словно Верховный главнокомандующий в штабе.

– Тока поставьте условие своим бомжам – угощать водочкой будете исключительно за мытые и чистые бутылки. Соответственно ваш образ в ваших пунктах приёма стеклотары будет положительным, с вами будут хотеть иметь дело! Ведь вы же будете поставлять бутылок много и в чистом виде. И настанет день, когда вам не придётся больше нанимать автомобиль, и вы сможете его купить!

«Победа!» – читалась во взгляде «главнокомандующего», он сейчас парил! Вознёсся над своей собственной жизнью наполненной всякой никчёмностью. Он победил сам себя! Интеллигент скользнул взглядом по бутылке с водкой, мысленно одёрнул себя: «Не сейчас!», продолжил вещать:

– Купите для начала какой-нибудь старенький фургон. А это закрытие ещё одной вашей стати расходов – аренда, всегда выбрасывание денег. А там не далеко и до собственной фирмы по приёмке стеклотары. А дальше...! – интеллигент зажмурился, схватил пузырь водки, плеснул, не глядя в стакан, и тут же её «бахнул», шустро выпил содержимое и занюхал обёрточной бумагой с бизнес-планом. Тяжело дыша и от водки и от собственного запала, выдохнул фразу:

– А, там не далеко, и до собственного мусороперерабатывающего заводика! Да здравствует капитализм! Ура товарищи! Всё дело в первом шаге, самое главное не сидеть, сложа руки, и не ныть что жизнь гоVно. Вам всё, ясно?

Старик ехидно осадил «Наполеона»:

– Хех... Как ты складно всё... А сам-то чего? Что ж такой умный и такой бедный?

Интеллигент внутренне споткнулся об колкость старика, и мысленно кубарем полетел со своего наполеоновского трона, вступил мрачно и высокопарно:

– Отец, понимаешь...

Старик недовольно перебил интеллигента – вспыхнул:

– Да какой я тебе отец! Тоже мне, нашёл отца! Я почти ровесник твой. Ты на меня лежачего не смотри, мне лет может немного больше чем тебе. Понял?! Тоже мне... Отец..., – скривил лицо в пренебрежительной гримасе старик.

* * *

На следующий день от Старика не осталось и следа – побритый, чисто одетый, возле калитки стоял крепкий мужчина лет 50-ти, за спиной у него болтался армейский вещь-мешок. Рядом с ним интеллигент всё в тех же «трениках», в пиджаке и майке с бейсболкой на голове.

– Слушай, ты на меня особо не сердчай. Навалилось вон на меня.

Не в духе я вчера был. Сам понимаешь, ситуация..., – «Старик» помолчал, – Ну, так как – посмотришь за домом?

Интеллигент, абсолютно трезвый безмятежно и весело ответил:

– Да-а-а... Всё хорошо! Я всё понимаю. Конечно, посмотрю! – и вдруг добавил абсолютно не к месту: – Недавно сделал для себя открытие. Оказывается, довольно много женщин выходит замуж – на всякий случай, – довольный собою интеллигент протянул свою худосочную с длинными пальцами руку.

Старик, на эту информационную справку хмыкнул, по-доброму улыбнулся, пожал руку интеллигенту, развернулся и двинулся в путь. Его тощий армейский вещь-мешок бодро замаячил меж деревьев. Пройдя лесной дорогой, старик вышел к железнодорожной станции. На платформе его вещь-мешок снова мелькнул, скрылся в открывшихся дверях электрички.

Глава вторая

В августовской ночи остывал от дневного зноя вечно бодрствующий мегаполис. Центральная часть города. Множество уличных кафе, веранд ресторанов под парусиновыми тентами. Отовсюду слышалась разная музыка, доносился смех и негромкий рокот мерно беседующих голосов – расслабленные люди, сидели в глубоких креслах, и лёжали на широких диванах – наслаждались негой летней ночи.

Небольшая вереница людей выстроилась в очередь у дверей ночного клуба. Уличные фонари своим жёлтым светом засвечивают небо, что лишает Землян возможности рассмотреть мириады солнечных систем галактик – звёзды. Людям в очереди нет никакого дела до космоса, невдомёк им, что в этот самый миг, великое множество форм жизни смотрит на людей со своих планет, из своих галактик.

Лица, взгляды людей в очереди обращены вниз, в землю, в свои смартфоны и планшеты. Умы их заняты, мысли в головах роятся толчëей и громоздятся одна на другую, образуя конгломераты информационного шума. Этот самый шум вводит людей в жуткое заблуждение, что будто бы они проживают одну единственную Жизнь. Находясь по гнётом этого навязанного заблуждения, они так торопливо ловчат, суется лукавят, воровато и с ложной стыдливостью отводят взгляд, судорожно молчат когда следует говорить, и нарочито говорят о том, чего не было в действительности.

Абсолютно не понимают, и начисто забыв, что таким своим поведением сами себя доводят до катастрофы, обрекают на адовы муки свои Святые Души, изначально созданные безупречными.

Не осознают, что сами себя уродуют, ломают и корёжат, увы, теперь уже бывшее, своё совершенство – усугубляют и множат свои искажения. Сами!!

Изуродовав себя, натворив с собою непотребное, тем самым звучат в пространство дикой какофонией, искажая пространство, вместо того, чтобы следовать своей изначальной Божественности, и звучать в Мироздание волшебной, созидательной мелодией, приумножая и сотворяя Божественные модели-матрицы по изначальному замыслу ПервоТворца.

Как уже было сказано Христом: «Не ведают, что творят».

Зная об этом драматическом процессе уже проще простить, и полюбить такого замороженного Человека. Ведь у большинства людей совсем не остаётся времени подумать, покрутить, повертеть в свое голове одну единственную мысль о том, что прямо сейчас все они, и люди и другие формы жизни находятся во Вселенной, находятся в Вечности – прямо сейчас!

Толкаясь в очереди в клуб, пребывая в своём «Здесь и сейчас», все их интересы сфокусировались лишь на одном, на модном ди-дjee, который давал гастроль в самом рафинированном клубе мегаполиса.

Лицо Витька. Глаза без движения. Взгляд устремлен в одну точку. Тишина. Тишина в его голове. Темнота. В темноте вспышками появляются: то человеческие руки, то головы, то другие части людских тел. На танцполе ночного клуба месиво из людей. Огромные прожекторы и световые пушки белым светом ярко вспыхивают в такт музыкального ритма. Короткие вспышки света кромсают на шевелящиеся куски содрогающуюся человеческую биомассу.

Волосатые пальцы впечатались в кожу обнажённой женской спины. Грива выкрашенных волос взметнулась из стороны в сторону, мелькнув оскалом губ напмаженных алым цветом. Сотни погруженных во мрак окатышей, кругляков человеческих голов разной масти ритмично шевелятся, образуя собой нечто – похожее на мясистое чрево гигантского монстра, волнами, словно судорогами, растекающегося по ночному клубу от стены до стены. (Наверное, именно так выглядит ад.)

На фоне монструозных конвульсий людских масс, на небольшом возвышении стоял, вырезанный из сумрака пронзительным контровым светом, тёмный силуэт ди-джея. Его маленькая фигурка с одним наушником на голове, зайдя в экстазе, вскинула вверх руки, молясь своему музыкальному богу «Ритму».

Столик Витька.

Витёк сидел всё той же позе, уставившись в одну точку. На колени к нему плюхнулось женское тело с пышными формами, выставленными на показ. Белая, холёная, изящная рука этого тела, увенчанная золотым браслетом, как змея проскользнула по плечам Витька, и цепко обвилась вокруг его шеи, словно белый удав. Погруженный в свои думы он не придал значения появлению у себя на коленях этого «сисятого праздника тела».

За столом, рядом с Витьком в дорогих мужских чёрных костюмах сидели два крупных человеческих тела. Своими чреслами эти два исполина мощно вдавили кожаные диванные подушки, которые «жалобно» топорщились своими пухлыми округлыми углами в стороны и вверх. Если бы диванные подушки могли говорить, наверняка они бы сейчас истошно вопили: «А-а-а!! Господи, как же нас плющит! Отпустите нас! Ну, пожалуйста!»

Миниатюрный Витёк всегда выглядел неказистой букашкой на фоне своих поделльников – сейчас, сидя с ними рядом на одном диване – это бросалось в глаза особенно. Возле него возвышались человеческие глыбы, гиганты, головы которых, на их массивных тушах сейчас были где-то там, высоко, в темноте ночного клуба. Лиц, голов всех присутствующих за столом не было видно – свет абажура высвечивал только их тела в чёрных пиджаках. С головой был только Витёк.

Союз Витька с «партнёрами» по их чёрному делу был почти совершенным. Поделтники его были внушительной физической силой. Витёк был бортовым компьютером этой силы – указывал направление и векторы приложения силы. Он был нужен им. Тогда как они ему возможно нет. Он знал, что всегда найдёт себе применение, не с этими головорезами, так с другими. Осознание этого обостряло его ощущение свободы.

Со своим математическим, шустрым умом, смекалкой, Витёк был той курицей, которая в режиме «Нон-стоп» несла золотые яйца: Страшные, злодейские схемы. Здоровенные бугаи это понимали чётко, от того и дисциплина в группировке была идеальная, каждый приказ Витька они исполняли беспрекословно. Он же был всегда под их «бронейбойной» защитой.

Вдруг, оттуда, сверху, из темноты к лицу Витька спустился массивный кулак, в котором увязла, и от того казалось крохотным напёрстком, рюмка с водкой. Сверху, перекрывая клубную музыку, прогудел низкий бас:

– Витёк! Давай накатим!

Витёк сидел с рюмкой зажатой обеими руками, смотрел в одну точку. Друзья осторожно начали тюкаться своими «напёрстками» об рюмку Витька. Как ни осторожничали «партнёры», они всё же пролили содержимое своих рюмок ему на руки. Пролитая водка вывела Витька из оцепенения. Тишина в его голове разорвалась в клочья, по его оцепеневшим мозгам бабахнула какофония звуков ночного клуба. Он вздрогнул, очнувшись от своих мыслей, медленно запрокинул голову, посмотрел вверх, в темноту, туда, где могло быть лицо «коллеги». Потом, также медленно повернул голову в сторону другого массивного тела. С задумчивым видом перевёл взгляд на подрагивающий «холодец» увесистых грудей у своего лица женского тела, сидящего у него на коленях. Отстранённо, отрывисто произнёс:

– Да! Давайте...

Быстро чокнулся с одним мясистым кулаком, со вторым и медленно, смакуя, выпил «огненную воду». Водка, растекаясь по языку, обволокла его сначала теплом, затем вспыхнула жаром. Боковые рецепторы языка мигмом передали в мозг сладковатую горечь спирта. Заполнив рот напирая изнутри на щёки, водка прямёхонько устремилась в горло. Оставляя шлейф знойного жара в пищеводе, водка ухнулась в желудок – закипела, забурлила там, словно хотела

вскарабкаться по глотке обратно наружу. Рецепторы языка, получив порцию кислорода через вдох, принялись нежиться в угаре водочного послевкусия. Букет вкуса раскрылся, словно веер самурая, лихо, жестко, нахраписто, как и вся жизнь гангстера – завершившись звонким и смачным «щёлчком-чмоком» губ. Витёк, поставил пустую рюмку на стол, зажмурился от вкуса выпитого, сглотнул слюну напитанную спиртом. С перекошенным лицом, выдыхая обжигающий глотку воздух насыщенный алкогольными парами, скороговоркой произнёс:

– Чёта у меня этот дед из головы не идёт.

Сверху прогудело басом, – Чё? Ты про какого деда? – деля ударение на слове «какого», желая уточнить, о каком по счёту из дедов Витёк говорит.

Витёк молчал. Сидел и не отвечал. Смотрел куда-то чуть вверх.

Вдруг скороговоркой, перекрикивая грохот очередного музыкального сета, проорал:

– А, ладно! Забей!

Вдруг, Витёк вскочил. Девица, сидевшая у него на коленях, едва удержалась на своих шпильках, заколыхалась всеми своими грудями, бёдрами, ягодицами, лоя равновесие, замаяхала руками словно чайка, дабы не бухнуться на пятую точку. Витёк, на мгновение замер. И также резко и стремительно ушёл в сумрак клуба.

Улица. По автостраде, на которой стоит ночной клуб, стремительно проносились автомобили. Люди, оседлав свои «табуны лошадей» обратились во всадников ночи, доказывали своё превосходство смерти.

Смерть, молча, издали наблюдала.

Чей-то внимательный взгляд, на большом удалении от клуба присматривал за входом в клуб. Густые заросли кустов и ветки деревьев загораживали обзор. Лестницу у парадного входа в клуб было видно, но плохо. Вереница из маленьких людей в очереди по-прежнему была там же, на своём месте.

С большого расстояния можно было различить, как в дверях ночного клуба появилась маленькая, издали едва различимая, фигура мужчины в чём-то светлом. Медленно, словно сильно пьяный, мужчина спускался по ступеням, повесив голову. При каждом шаге, на следующую ступеньку голова качалась то в одну сторону, то в другую.

Когда мужчина сошёл на тротуар, стало понятно, что в белой рубашке был Витёк. Он подошёл к дорожному уважаемому автомобилю. Видно, как охранник шустро распахнул перед ним заднюю дверь машины. Маленькая фигурка Витька спокойно и уверенно закрыла её.

Сюда на парковку доносились ухающие звуки изнутри клуба. Девки в очереди пьяно и вызывающе ржали в ответ на низко гудящие голоса альфасамцов. Самцы пыжились остро словить, самки своим ржанием стремились убедить самцов в своей готовности на всё ради халявной выпивки. Витёк открыл водительскую дверцу. Кивнул водителю, давая понять, что бы тот вышел.

– Извините, Виктор Алексеевич, вы уверены? Вы же выпивали.

Витёк спокойно отчеканил, разделяя паузами слова:

– Да. Я. Уверен. Я. Хочу. Остаться. Один, – в упор посмотрел на водителя, – Выходи.

Массивная спина водителя вылезла из-за руля. Витёк сел в машину. Захлопнул дверь. Смачно погазовал, издал рыкающий звук глушителем. Испуганно-восторженный визг девок в очереди слился с визгом покрышек – чёрный суперкар сорвался с места.

«Грядка» уличных фонарей скрывалась вдалеке за поворотом.

На столбе светофор. Горел красный свет. Из-за поворота на большой скорости вырулил чёрный автомобиль. Витёк пронёсся мимо красного сигнала светофора, «плюнув» из-под колёс мелкими брызгами из лужицы на ровном асфальте.

Автомобиль стремительно набирал скорость. Вдруг, суперкар клюнул носом, словно споткнулся о невидимую преграду, скорость резко упала. К следующему светофору автомобиль

медленно подкатился увлекаемый инерцией. Остановился, прилично не доехав до очередного светофора. В боковые тонированные стёкла было видно, как Витёк положил голову на руль.

Глухая ночь. Сухая, светлая городская дорога с фонарными столбами. Крупные капли дождя затрещали, защёлкали впечатываясь в асфальт, делая асфальт тёмней. Дорога почернела. На светофоре загорелся красный свет. Автомобиль стоял. Задние стоп-огни горевшие красным, потухли – нога Витька вяло сползла с педали тормоза.

Загорелся зелёный сигнал светофора. Чёрная машина стояла тихо, словно весь табун лошадей умчался прочь из могучего мотора, бросив на чёрной, мокрой дороге омертвевшую железную коробку – остов суперкара. Дождь барабанил по крыше машины. На горячем капоте дождевые капли взлетали змейками пара. Мокрая дорога, строго по прямой линии уходила к горизонту в кляксах жёлтых пятен света уличных фонарей.

Горбатый фонарный столб, увенчанный светильником фонаря навис над машиной Витька, «размазав» часть своего жёлтого света на крыше и по капоту машины. На светофоре по-прежнему горел зелёный свет, художественно «растекаясь» зелёными бликами по чёрному лаку автомобиля.

На тротуаре, справа от машины, возле светофорного столба едва-едва виднелся какой-то странный тёмный профиль – силуэт, треугольный по форме.

С протяжным, полным негодования звуком клаксона, позади машины Витька, остановился красный двухместный кабриолет.

Движок сердито рычал – водитель нервно давил и давил на педаль газа. Выразительно сообщая: «Чего встал?! Освободи дорогу!»

На светофоре горел зелёный свет.

Кабриолет истерично-длинно посигналил ещё пару раз. Широкие покрышки передних колёс кабриолета резко вынырнули из-под крыльев. Задние колёса с хищным шипением переходящим в визг двинули красный кузов кабриолета по дуге, лихо объехав машину Витька. Вода под колёсами кабриолета взметнулась клубами белого пара. Тем временем свет на светофоре снова сменился на красный.

На тротуаре, тёмный треугольный силуэт возле столба шевельнулся, двинулся, и стало понятно, что это встала на все лапы сидевшая на тротуаре взрослая, с отвисшим брюхом, чёрная собака.

К стеклу бокового окна рыкающего кабриолета приложился кулак из тонких белых пальцев, из которого резко вздёрнулся средний палец с бриллиантовым кольцом, и красным лаком на ногте – «фак!».

Дерзкая девица в красной машине грубила. Кабриолет, истошно сигналив клаксоном, игнорируя красный сигнал светофора, ударил по газам. Снова белый пар окутал красную машину – она рванулась с места.

Умная собака, наученная жизнью в мегаполисе дождавшись для себя зелёного света уверенно, не торопясь, начала переходить дорогу.

Задиристая стерва на «красной пуле» стремительно удалялась от пешеходного перехода. Автомобиль Витька взревел. Брызги воды! Белый дым из-под бешено крутящихся покрышек закрыл полмашины. Визг! Задняя часть автомобиля просела от прокручивающихся колёс! Кормовые красные огни габаритов повело чуть влево, потом чуть вправо, покрышки сцепились с асфальтом, и тотчас чёрная машина рванулась с места. Послышался глухой стук. Грохот двигателя перекрыл пронзительный, истошный собачий визг. Чёрная машина понеслась вслед за красным болидом, то растворяясь во тьме, то возникая вновь в жёлтом свете лампочек уличных фонарей.

Колкие для зрения в густоте ночи красные пятнышки габаритов двух машин всё ещё маячили вдалеке. В лужицу на асфальте тоненькими извилистыми струйками втекла красная

жидкость. Красная жидкость вторгалась в прозрачную дождевую воду крохотными водоворотами, постепенно окрасив своим красным цветом всю лужу целиком.

Чёрная дорога, жёлтые фонари, красная кровь, и тело чёрной собаки. Смерть, исполняя свою миссию, подобрала невинно убиенное животное.

Глава третья

Серые стены угрюмого, циклопического вида, жилого комплекса «Крепость» сливались там, в самом верху, с чернотой неба. Только несколько квадратиков окон мерцали светом телевизора, да парочка окошек желтела интимным приглушённым светом – колос дремал. Часа через три рассвет потревожит его дрему.

Пронзительно белым пятном, на въезде во двор, стояла будка охраны, ярко высвеченная прожектором. Внутри, в крошечной темноте будки, словно висело в пространстве, бледно-голубое худое лицо с цепким взглядом глубоко посаженных глаз. Во всю ширину будки, на стене был монитор с изображениями с видеокамер наблюдения. Слабое свечение от монитора окрашивало лицо человека в чёрной форме в этот мертвецко-бледный цвет, делая похожим его на приведение.

Охранник шумно прихлёбывал горячий чай из граненого стакана. Обжигаясь, брал горячий стакан то правой рукой, то левой. На одной из картинок в мониторе показалась машина Витька. Охранник сонно буркнул под нос:

– А, да-да. Проезжай.

С этими словами он нажал кнопку. Шлагбаум, перед которым стоял чёрный автомобиль, стал медленно подниматься. В этот момент за машиной Витька появился небольшой, импортный «одноглазый» микроавтобус чёрного цвета. Одна фара не горела, этакий одноглазый флибустьер. Охранник, глядя в монитор, промямлил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.